

— Вѣрно, вѣрно, — просіялъ инспекторъ. — Вы хорошимъ бы учителемъ были, если бы не пили.

Дыхляевъ поклонился.

— Васъ, Олинъ, я переведу, т.-е. представлю объ этомъ попечителю: вамъ стыдно — вы человекъ пожилой, семейный.

— А мы, ваше превосходительство, совсѣмъ еще молоды; мы исправимся, — замѣтилъ Дыхляевъ скромно.

— Я на это надѣюсь... Посмотримъ, что будетъ на слѣдующій годъ. Жаль, если такая голова пропадетъ, — замѣтилъ инспекторъ Веймару. — Нѣтъ ли у васъ закусить чего-нибудь?

Объясненіе кончилось.

IX.

Шелъ іюль мѣсяцъ. Стояли невыносимые жары, и обитатели Н сидѣли по цѣлымъ днямъ дома, лишь вечеромъ выхода на набережную. На Ильинъ день было особенно жарко. Лѣто, переходя во вторую половину, какъ бы хотѣло запасти землѣ тепла на дождливую, туманную осень и морозную зиму.

Корневу было жарко, но онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, не позаботился даже открыть окно: онъ былъ занятъ разговоромъ съ Анисьею Петровной.

— Что вы все пьете, Евгеній Александрычъ? зачѣмъ себя губить? — спрашивала Анисья Петровна.

— Отъ скуки, Анисья Петровна, отъ скуки.

— Нашли чѣмъ скуку разгонять! — возразила Анисья Петровна презрительно.

— А чѣмъ же? Посовѣтуйте.

— На охоту бы ходили.

— Пробовалъ — не нравится.

Помолчали.

— Ну, еще одно средство есть...

— Какое?

Анисья Петровна помолчала, собираясь съ духомъ. Уже сколько разъ хотѣла она заговорить объ этомъ, да все смѣлости не хватало. Но теперь она рѣшилась. Ей и Евгенія Александрыча жаль — человекъ хорошій, что и говорить, — а дочь и тѣмъ больше.

— Да чтобы вамъ не жениться? — высказала она вдругъ.

Корневъ посмотрѣлъ на нее и разсмѣялся.

— Отъ скуки жениться?